

Научная статья

УДК 398.21(=512.122)

DOI: 10.24412/2046-913X-2025-258-7-20

СЕМИОТИКА НАЗИДАНИЙ В КАЗАХСКИХ СКАЗКАХ

Карасик Владимир Ильич

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,

Москва, Россия,

vkarasik@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-8306-5317

Аннотация. Рассматриваются предписания поведения, выраженные в казахских сказках. Целью статьи является описание ценностей, норм и традиций в сказочном тексте. В основу работы положено предположение о том, что сказка представляет собой ценностно маркированный текст, его главные функции сводятся к нормам поведения, объяснению причинно-следственных связей в поступках людей и изложению ключевых идей в увлекательной форме, понятной детям. В семиотическом плане ценности проявляются в общении в трех видах: специализированном, связанном и ситуативно наведенном. Лингвокультурная специфика сказок проявляется во внешних и внутренних индикаторах сюжетного своеобразия этих текстов, к первым относятся описания местности, одежды, еды и других реалий повествования, ко вторым — ценности, нормы и традиции поведения людей и волшебных существ. В качестве материала взяты тексты из сборников сказок, опубликованных и размещенных в сети Интернет. Используются методы контент-анализа, интент-анализа и интерпретативного анализа. Казахские сказки в жанровом отношении представляют собой неоднородное собрание чудесных повествований, притч и поучительных житейских историй. Ключевые наиздания в этих текстах сводятся к тому, что зло неизбежно бывает наказано, мириться с ним нельзя, нужно быть смелым, но при этом проявлять осторожность, нужно защищать своих, мудрость является высшим достоинством человека, но иногда и мудрец допускает ошибки. Национальный колорит в этих сказках заключается в особом статусе коня в жизни кочевников, в описании одежды, еды и обычаев героев. Ключевые ценности в сказках осмысливаются как символы.

Ключевые слова: казахские сказки, наиздание, аллегория, жанр, ценности.

Для цитирования: Карасик, В. И. (2025). Семиотика назиданий в казахских сказках. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 7–20. <https://www.doi.org/10.24412/2046-913X-2025-258-7-20>

Original article

UCD 398.21(=512.122)

DOI: 10.24412/2046-913X-2025-258-7-20

SEMIOTIC PRESCRIPTIONS IN KAZAKH TALES

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia,
vkarasik@yandex.ru, orcid.org/0000-0001-8306-5317

Abstract. The paper deals with prescriptions of behavior expressed in Kazakh fairy tales. The aim of the article is to describe values, norms and traditions expressed in a fairy tale text. The work is based on the assumption that a fairy tale is a value-labelled text, its main functions are reduced to the prescriptions of behavior, explanation of cause-and-effect in the actions of people and the expression of basic ideas in an entertaining form for a child's mind. In semiotic terms, values are manifested in communication in three main types — specialized, connected and situationally induced. Linguocultural specificity of fairy tales is manifested in external and internal indicators of the narrative. The first include descriptions of terrain, clothes, food and other realities of the narrative, while the latter include values, norms and traditions of behavior of people and magical creatures. The material used is texts from collections of fairy tales published and posted on the Internet. The methods used are content-analysis, intent-analysis and interpretative analysis. Kazakh fairy tales comprise a heterogeneous collection of miraculous stories, parables and instructive life stories. The key prescription in these texts is that evil is inevitably punished, evil cannot be tolerated, one must be brave but careful, one must protect dear ones, wisdom is the highest virtue of man, but sometimes a wise man makes mistakes. The national coloring in these tales lies in the special status of the horse in the life of nomads, in the description of clothes, food and customs of the heroes. The key values in the tales are conceptualized as symbols.

Keywords: Kazakh fairy tales, edification, allegory, genre, values.

For citation: Karasik, V. I. (2025). Semiotic prescriptions in Kazakh tales. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 7–20. <https://www.doi.org/10.24412/2046-913X-2025-258-7-20>

Введение

Целью статьи является описание ценностей, норм и традиций в казахском сказочном тексте. Основой работы служит предположение о том, что сказка представляет собой ценностно маркированный текст, значимые функции которого сводятся к предписаниям поведения, объяснению причинно-следственных связей в поступках людей и выражению

главных идей в увлекательной форме, понятной детям. Семиотический подход к изучению сказок состоит в выявлении, описании и объяснении жанровых, дискурсивных и лингвокультурных характеристик соответствующих текстов.

Методология исследования

В семиотическом плане ценности проявляются в общении в трех видах: специализированном, связанном и ситуативно наведенном. Лингвокультурная специфика сказок дает о себе знать во внешних и внутренних индикаторах сюжетного своеобразия этих текстов, к первым относятся описания местности, одежды, еды и других реалий повествования, ко вторым — ценности, нормы и традиции поведения людей и волшебных существ. В данной работе рассматриваются аксиологические характеристики казахских народных сказок¹. В качестве материала используются тексты сказок, напечатанные в трехтомном собрании казахских сказок под ред. В. М. Сидельникова и проанализированные в его вводной статье (Сидельников, 1958), а также тексты сказок, опубликованные в Интернете. Используются методы контент-анализа, интент-анализа и интерпретативного анализа.

Аксиогенная специфика сказочного текста

В народных сказках отражаются важнейшие ценности и нормы поведения, которые передаются от поколения к поколению в ярких запоминающихся образах и назидательных сюжетах (Адоньева, 2000; Акименко, 2013; Алещенко, 2008; Бурькин, 2017; Воркачев, 2017; Гронская, 1998; Жирмунский, 1979; Зуева, 2001; Кравцов, 1973; Краюшкина, 2011; Медриш, 2021; Мелетинский, 1976; Надбитова, 2011; Пименова, 2018; Плахова, 2013; Пропп, 1969; Садалова, 2008; Франц, 1998; Юдин, 1998; Aarne, 1910; Thompson, 1955–1958). Ключевые функциональные особенности этого фольклорного жанра обусловлены назначением сказок — объяснить адресатам, обычно детям, основы отношений между людьми, показать варианты правильного и неправильного выбора в судьбе, убедить слушателей в том, что жизнь интересна, хотя и полна опасностей, а чудеса возможны. В сказках воплотилась народная философия, обусловленная особенностями жизни людей, необходимостью борьбы за существование и важностью понимания своей идентичности — принадлежности своему сообществу. Фольклорная сказка специфически трансформируется в литературной сказке (Викулова, 2008; Королькова, 2010; Назаренко, Приходько, 2013).

¹ Казахские сказки: в 3 т. / сост. и ред. В. М. Сидельникова. Алма-Ата: Казахск. гос. изд-во худ. лит., 1964. URL: <http://www.rodon.org/other/ks3.htm>

Ценности, как известно, представляют собой концентрат культуры и находят множественное и вариативное выражение в коммуникативной практике (Губман, 1998; Дементьев, 2016; Карасик, 2019; Микешина, 2009; Северская, 2014). В семиотическом плане ценности обнаруживают себя в общении в трех основных видах: специализированном, связанном и ситуативно наведенном. В первом случае назначение дискурса, т. е. текста в определенной коммуникативной ситуации, сводится к продвижению и объяснению правильного и неправильного поведения, во втором случае оценочное содержание той или иной информации служит сопутствующим и фоновым, а в фокусе оказывается фактуальное содержание повествования или описания, в третьем случае ценностная интерпретация такого содержания обусловлена личностными и ситуативными особенностями общения. Грань между объективным и субъективным содержанием информации зыбка и размыта.

Разные типы ценностей могут специфически комбинироваться в рамках того или иного сюжета, смысложизненные ориентиры мировосприятия проявляются в соблюдении или нарушении моральных норм, кроме того, в осмыслении утилитарных правил полезного или вредного для субъекта поведения. Специфика сказочного дискурса состоит в постепенном и наглядном развертывании сюжета, в отличие от концентрированного выражения ценностей в пословицах или поговорках. Нарративная специфика сказок заключается в последовательности сюжетных мотивов, т. е. коммуникативных ходов, предполагающих тот или иной выбор со стороны героя и определяющих логику повествования (Веселовский, 1940; Силантьев, 2009). Последовательность должна включать в себя некоторую интригу, поддерживающую внимание адресатов, кульминацию как завершение данной интриги и подведение некоторых итогов. В этом плане представляют интерес диалогические характеристики сказочных зачинов и завершения текста, а также различные модусные операторы в повествовании, демонстрирующие отношение рассказчика к излагаемым событиям.

Аксиологические характеристики казахских сказок

Обратимся к содержанию казахских сказок. В статье приводится краткое изложение проанализированных текстов.

Различные испытания, которые выпадают на долю героя, показаны в сказке «Караглыш».

Жили-были пять братьев. Они засеяли поле пшеницей и заметили, что кто-то приходит и поедает зерно. Братья по очереди стали караулить поле, но только младшему из них, по имени Караглыш, удалось увидеть, что ночью прилетела с неба черная кобылица. Он поймал ее, и она попросила его отпустить ее, пообещав отдать ему и его братьям пять жеребят. Караглышу достался самый резвый жеребенок. Однажды

Караглыш увидел дым, прискакал туда, там было жилище ведьмы. Он поймал пять ее дочерей и ускакал. Но ведьма догнала его, пообещала ему отдать своих дочерей и пригласила его переночевать в ее юрте. Его жеребенок предупредил героя, что ведьма собирается убить его и уже пошла точить железный зуб. Караглыш всю ночь не смыкал глаз, и ведьме пришлось отдать своих дочерей братьям героя. Она предупредила их, что им нельзя останавливаться на определенной горе, но они ее не послушали и попали в плен к змею, который там жил. Утром Караглыш подошел к юрте змея, вошел в нее и пообещал отпустить его братьев, если герой приведет к нему бессмертную дочь одного царя. Караглыш согласился, отправился в путь и встретил по пути пять помощников: одного, который мог двигать горы; другого, который мог выпивать всю воду из озера; третьего, у которого был чудесный слух; четвертого, который был прекрасным стрелком; пятого, умевшего бегать быстрее всех. Герой пришел к этому царю, царь пообещал ему свою дочь, если он выполнит пять поручений, а в противном случае царь пообещал его убить. Это были состязания по бегу, а затем нужно было провести время в железном доме, стоявшем на раскаленных углях. Волшебные друзья помогли герою выполнить задания. Он взял дочь царя, привел ее змею и благополучно ушел с братьями.

В данной сказке присутствуют определенные символы и предписания поведения. Ключевым считается сакральное число «пять» — пять братьев, пять жеребят, пять дочерей ведьмы, пять друзей главного героя и пять испытаний. Подчеркивается значимость коня — верного друга для героя. Показательна встреча с ведьмой: в трансформированном виде представлена история брачных отношений у кочевников, можно понять, что девушек часто похищали. Интересно то, что ведьма собирается убить героя, а когда он проходит испытание, она дает ему полезный совет. Волшебные помощники, которые дают возможность богатырю выполнить задания царя, в определенной мере интернациональны, их качества прослеживаются в сказках разных народов. Можно сделать выводы, что анализируемая сказка адресуется в первую очередь мальчикам, в ней видны следующие наиздания: нужно быть смелым, но в то же время осмотрительным, нужно прежде всего помогать своим родным и защищать их, нужно поддерживать дружеские отношения с людьми, и друзья всегда придут на помощь. Действующие лица в повествовании — батыр (богатырь), его братья, царь, а также волшебные существа — ведьма, змей, бессмертная дочь царя. Как и в сказках других народов, именно младшему сыну принадлежит роль главного героя. Мы видим, насколько значимыми были у кочевников состязания по бегу и скачкам на конях. До сих пор у тюркских народов существует игра *кыз куу* (букв. — погоня за девушкой): молодой человек должен на лошади догнать скачущую девушку, которая на 12–15 метров опережает его; догнав ее, он может ее поцеловать. Есть и симметричный вариант состязания: девушка на коне преследует всадника и, если она его догоняет, она наносит ему удар плетью.

Грустные наблюдения о человеческой природе высказаны в сказке «Совет голубей».

Когда-то жила стая голубей со своим ханом. Однажды несколько голубей залетели в заброшенный караван-сарай и увидели там огромное количество рассыпанного зерна. Они обратились к хану с просьбой перелететь туда всей стаей. Хан был против, сказав, что в погоне за большим потеряешь и малое, но стая его уговорила. Птицы увидели зерно, стали клевать его, но это была приманка охотника, расставившего сеть. Наелись голуби, но подняться не смогли — все попали в сеть. Хан напомнил им, что предупреждал их об опасности. Тогда они решили дружно вспорхнуть и, оставаясь в сети, полететь, это им удалось. За ними наблюдал ворон, он проследил, куда они полетели, и сообщил об этом охотнику. Голуби приземлились у другого караван-сарая и увидели множество мышиных нор. Хан обратился к аксакалу мышей. Он попросил его, чтобы мыши перегрызли петли сетей, в которые попали голуби. Мыши исполнили просьбу. Хан голубей поблагодарил хана мышей и пообещал ему, что всегда будет рад помочь мышиному народу. Но хан мышей ответил, что сблизиться с голубями не желает, поскольку есть пословица: «Добру отвечают злом». Аксакал мышей рассказал о человеке, который спас змею от пожара, а она обвилась вокруг его шеи, готовясь его ужалить. Человек стал ее стыдить, и змея напомнила ему об этой пословице. Она предложила ему спросить других. Они подошли к старому дереву, которое много лет дарило крестьянину свои плоды, а плоды кончились, тот решил его спилить, затем подошли к волу, который много лет помогал земледельцу пахать землю, а потом этот человек решил продать его на мясо, наконец, они обратились к лисе, и хитрая лиса предложила змее залезть в мешок, и затем человек убил змею. После этого хан голубей спросил хана мышей, почему люди покинули этот караван-сарай. Аксакал мышей ответил, что однажды туда пришли люди, раскопали мышиные норы, нашли сокровища и забрали их себе, за это мыши стали им мстить, портя все, и людям пришлось уйти. Ворон, слушавший эти разговоры, захотел подружиться с ханом мышей. Тот вначале отказывался, а потом согласился и попросил ворона перенести его через реку для встречи с лягушкой, его давней подругой. Они встретились, и лягушка предупредила своего друга, что ворон его непременно съест. Так и произошло. Проголодавшийся ворон забыл о своей клятве и проглотил мышь. Лягушка прыгнула в воду.

Данная сказка резко отличается от большинства народных сказок — у нее нет счастливого конца. Можно сказать, что она представляет собой пограничный нарратив между сказкой и притчей. Повествование сложное и включает в себя истории внутри историй. Главные действующие лица первой истории — хан голубей и хан мышей. Важно отметить, что статус руководителей своего племени подтвержден их мудростью и возрастом. Одно из назиданий сводится к тому, что руководитель должен быть мудрым. Но затем сюжет разворачивается, и мы видим, что мудрых руководителей племя может уговорить совершить необдуманные поступки. В сказке есть два речения, которые выражены назиданиями: «В погоне за большим можно потерять и малое» и «Добру отвечают злом». Сравним в русской лингвокультуре: «От добра добра не ищут» и «Не делай людям добра, если не хочешь получить зло». Эти грустные выводы о человеческой природе иллюстрируются примерами о спасении змеи (сюжет является интернациональным, он в сжатом виде представлен во фразеологизме «змея за пазухой»), затем примерами о старом плодовом дереве и старом воле.

Спасение приходит только тогда, когда удается перехитрить безжалостное существо. Хитрая лиса выступает в качестве спасителя. Финал истории предсказуем: мудрый аксакал мышей поверил хищному ворону и стал его жертвой. Отсюда следует назидание — нельзя доверять тем, кто хоть однажды проявил свою бессердечную сущность. Логически следуют выводы о необходимости быть готовым к бескомпромиссной борьбе с противником, о недопустимости жалости к нему и о том, что даже мудрые и опытные люди делают ошибки.

Некоторые сказки, по-видимому, автобиографически отражают горький опыт рассказчиков. Такова история «Удав-женщина».

У одного богатого человека был сын-красавец. Этот юноша решил найти себе жену. Три года странствовал, никого не встретил, но на пути домой познакомился с одной красавицей, в которую страстно влюбился. Они поженились и первые годы жили счастливо, а затем этот молодой человек стал болеть и превратился в желтый скелет, обтянутый кожей. Юноша нашел кудесника-врача и попросил его о помощи. Тот разложил свои книги и нашел в них описание этой болезни. Там было сказано, что силы у человека отнимает женщина-змея, которая питается его энергией. Если ее не уничтожить, то через два года она окончательно превратится в удава и проглотит всех жителей аула. Нужно не спать, убрать из жилища всю воду, тогда это существо примет образ змеи и уползет к реке, чтобы напиться. Так и произошло. Как только она напивается, она принимает вид женщины. Чтобы избавиться от змеи, следует построить железный дом, обложить его соломой, заманить туда это чудовище и поджечь солому. Молодой человек обратился к кузнецам, те выковали ему железный дом, а крестьяне принесли солому. Затем он сказал своей жене-красавице, что им предстоит переехать в новое жилье, и когда она туда вошла, он быстро выскочил, захлопнул дверь, развел огонь, и змея сгорела.

В данной незамысловатой сказке выделяются три сюжетных мотива: поиск жены-красавицы, заболевание, избавление от змеи. Соответственно, можно установить назидания для юношей: красивая внешность порой скрывает очень плохой характер; определив причину неблагоприятного развития событий, нужно незамедлительно действовать; есть люди, которые способны поставить диагноз в самых сложных ситуациях. Женщину-змею уничтожают жестоким образом. Приходится констатировать, что сожжение ведьм на кострах инквизиции в Европе интертекстуально перекликается с сюжетом описываемой inferнальной восточной сказки.

Высоким позитивным смыслом наполнена короткая сказка о друзьях «Атумтай и Нашарван».

Жили когда-то на свете два друга — Атумтай и Нашарван. Первый был щедр, а второй справедлив. Позавидовали шайтаны их дружбе и решили нарушить ее. Для этого они влезли им в души, и старые друзья стали непримиримыми врагами. Пошел Нашарван на прогулку, навстречу ему вышел Атумтай с шашкой. Тогда Нашарван воскликнул: «О Атумтай! Ты всегда был щедр, отдай мне твою шашку и докажи этим, что ты остался таким же!..». Хотел Атумтай изрубить его, но подумал, что тогда он навсегда лишится чести, и передал оружие своему врагу. Отдав свою шашку,

он напомнил противнику, что тот всегда был справедлив. И, вместо того чтобы нанести удар, Нашарван бросился навстречу своему бывшему другу и крепко обнял его. Шайтаны потерпели поражение.

Из повествования вытекают четкие назидания: настоящую дружбу невозможно уничтожить, шайтаны (черты в мусульманской картине мира) пытаются рассорить людей, всегда есть возможность примирения у врагов. Конечно, в реальной жизни редко удается найти убедительные аргументы для прекращения вражды, но сказка напоминает нам о том, что их нужно искать.

В сказке «Чудесный сад» сказано о высших ценностях нашей жизни.

Жили когда-то два друга-бедняка — Асан и Хасен. Асан обрабатывал клочок земли, а Хасен пас стадо. У Асана была красивая и ласковая дочь, а у Хасена — сильный и послушный сын. В одну из весен Хасена постигла беда — все его бараны пали. Он пришел проститься к своему другу, а тот предложил ему половину своего поля. И Хасен сделался земледельцем. Прошли годы. Однажды, обрабатывая свой участок, он наткнулся на котелок, доверху наполненный золотыми монетами. Не помня себя от радости, он отнес клад своему другу, а тот сказал, что клад принадлежит тому, кто его нашел. И тогда друзья решили отдать клад своим детям, которые давно любили друг друга. Отпраздновали свадьбу. Но дети не согласились с тем, что богатство должно достаться им. И все отправились за советом к мудрецу, жившему далеко от них. Тот выслушал пришедших и обратился к своим ученикам с вопросом, как нужно распорядиться этим богатством. Один ученик сказал, что золото нужно отдать хану; другой предложил взять его себе; третий сказал, что котелок нужно вновь зарыть в землю; а четвертый, самый младший ученик, предложил на эти деньги купить семян и вырастить тенистый сад в пустой степи, чтобы в нем могли отдыхать все усталые бедняки. Мудрецу понравился этот ответ, и он отправил юношу в ханскую столицу, чтобы тот купил семян для этого сада. Придя в город, он долго ходил по базару и вдруг услышал пронзительные крики. Через город шел караван с клетками, в которых сидели птицы, они были связаны за лапки, а их крылья бились, как тряпки, о верблюжьих бока. Юноша спросил у караванщика, кому предназначались эти птицы, и тот ответил, что вез их к ханскому столу. Молодой человек предложил караванщику кувшин с золотом, и тот продал ему пленных птиц. Освобожденные птицы взвились в небо и улетели. Счастливый юноша пошел домой, но чем ближе он подходил к родным местам, тем тяжелее у него становилось на сердце, поскольку семян он не купил. Он лег на землю, и вдруг увидел, что над его головой порхают птицы, каждая из которых принесла семя, они разрыли землю, вложив туда это семя, и из земли устремились ввысь побеги, которые росли все выше и выше и превратились в мощные деревья, покрытые белыми цветами. Вскоре из цветов появились прекрасные яблоки. Над ними летали птицы. Узнали об этом всадники хана и устремились в этот сад, но когда они дотронулись до яблок, то без дыхания свалились на землю. И тогда в этот сад пришли бедняки, мужчины и женщины, старики и дети. Они срывали с деревьев плоды, но плодов не становилось меньше. Когда наступила ночь, из яблок заструился мягкий голубой свет, птицы запели, и бедняки впервые в жизни заснули крепким сном, довольные и счастливые.

Красивая сказка представляет собой чудесное описание рая. Переключка с библейским текстом очевидна, однако вместо Каина и Авеля перед нами два вполне земных человека, которые готовы прийти на помощь друг другу. Принято считать, что богатство портит характер людей. Но в сказке «Чудесный сад» показано, что людям с чистым сердцем оно не принесет вреда. Главные персонажи сказки — идеальные люди, а выращенный в пустыне сад — райский сад. Подчеркивается, что сад открыт только для бедняков. Социальная критика направлена в адрес хана, приказавшего доставить ему караван птиц для пира, и ханских воинов, устремившихся туда. Отметим и справедливого судью, который поддержал своего младшего ученика. Другие ученики, заметим, предложили иные варианты использования богатства. Можно установить следующие назидания, вытекающие из повествования: чудеса возможны, добрые люди будут вознаграждены, у людей с добрым сердцем и дети добрые, освобождение пленников есть благо. Очевидно, что текст представляет собой идиллию, красивую картину; по-видимому, создан сравнительно недавно и является авторской сказкой, поскольку обычно фольклорные тексты более реалистичны. Кроме того, стилистика текста напоминает сказки Оскара Уайльда.

Прямое поучение выражено в сказке «Счастье Кадыра».

Жили-были два брата. Старший был разумный и работающий, а младший — беспомощный, ленивый и завистливый. Звали его Кадыр. Пришел Кадыр к брату и стал спрашивать, почему у него нет счастья. Брат ответил ему, что его счастье любит трудиться, а счастье Кадыра где-то спит под карагачом. В тот же день Кадыр отправился в путь искать свое счастье. Встретился ему на дороге лев, спросил его, куда тот идет, и пожаловался, что у него постоянная резь в желудке. Попросил лев узнать, как от этого избавиться. Затем увидел Кадыр трех человек: старика, старушку и их дочь. Они сидели и горько плакали. Выяснилось, что купил старик это поле, работает на нем не покладая рук, а к середине лета весь урожай выгорает. Пообещал Кадыр узнать, почему это происходит. Пришел он в ханскую столицу. Схватили его стражники и привели к хану. Хан спросил, что Кадыр ищет, признался, что нет у него счастья, и попросил узнать, почему так вышло. Странствовал Кадыр три года и пришел к черной горе, там под развесистым карагачом лежало невымытое и нечесаное существо, похожее на человека. Разбудил его Кадыр, оно отругало этого парня, но потом ответило на его вопросы. Вернулся Кадыр к хану и сказал, что счастья у хана нет, потому что он женщина. Посоветовал он ей найти себе достойного мужа. Предложила она ему быть ханом, но Кадыр отказался. Трех плакавшим землепашцам он сказал, что в поле спрятан клад, и поэтому все посевы гибнут. Обрадовались они, предложили ему остаться с ними и взять их дочь в жены. И он вновь отказался. Встретив льва, он передал ему, что тот избавится от боли, если съест мозг глупца. Лев ответил, что большего глупца, чем Кадыр, он не встречал, прыгнул на него, но парень увернулся, и лев насмерть разбился об камень. Обрадовался Кадыр, воскликнул, что смерть угрожала ему, а он остался жив. Теперь он стал работающим и веселым и больше не жаловался, что у него нет счастья.

Назидание прямо выражено в тексте: чтобы быть счастливым, надо работать, надо встретить любимого человека, надо радоваться жизни. Счастье человека похоже на его зеркальное отражение. Истины, высказанные в данной сказке, общеизвестны. Хорошее здоровье, хорошая работа, любимый и любящий человек рядом составляют счастье. Вероятно, после того как герой преобразился, его счастье, лежавшее под деревом, тоже изменилось.

Соревнование умов отражено в сказке «Искусство Егельмана».

В Багдаде жил один мудрец по имени Егельман. Все люди страны знали Егельмана. Обиженные приходили к нему за советом, спорящие — чтобы мудрец рассудил их, больные шли избавиться от недуга, а умные любили побеседовать с мудрым человеком. Прослышал хан о мудрости Егельмана и повелел позвать его к себе. Привели царские слуги Егельмана к хану, и стал он жить при дворе. Хан часто совещался с мудрецом и не переставал восхищаться его умом. Захотел хан сделать его визирем. Узнал об этом визирь и сказал хану, что этот человек опасен, он может погубить всех и стать ханом. Хан согласился с ним и поручил ему придумать, как известить Егельмана. Вызвал визирь мудреца к себе и сказал ему, что хан требует, чтобы Егельман за две недели написал научный труд, ответив на вопросы: «Каким образом хан должен обогатить свой народ?» и «Каким образом хан может вытравить злобу у своих подчиненных?». Через неделю мудрец принес книгу и сказал, что хочет вручить ее лично хану. Его пригласили в покои хана, там был накрыт стол. Егельман понял, что в вино подмешан яд, бросил туда незаметно небольшой кристалл и выпил вино. Затем он незаметно для других обмакнул пальцы в яд, отстоявшийся на дне чашки, и обратился к визирю: «Дорогой визирь! Вот вам книга. Она очень полезна, особенно важны вот эти страницы». С этими словами мудрец провел пальцами, обмоченными ядом, по страницам открытой книги. Затем он попросил у хана разрешения и удалился. Как только за Егельманом закрылась дверь, хан и визирь взяли книгу и прочитали: «Если хан хочет видеть своих людей незлобивыми, добрыми, пусть сначала сам освободится от злобы». «Если хан хочет видеть свой народ богатым, пусть воспитывает в них трудолюбие». «Кто бы ты ни был, оближи эту страницу книги девять раз, и у тебя никогда не уменьшатся силы». Обрадовались хан и визирь и стали в драку лизать книгу. Тут и пришел им конец.

В этой истории нет чудес, назидание в ней сводится к тому, что не следует причинять зло другому человеку — оно возвращается по кругу. Нужно знать, что мудрый человек способен за себя постоять. Важен вывод о том, что доброе отношение властителя подвержено внезапным переменам. В сказке игнорируется то, что в мусульманском сообществе вино находится под запретом. Назидательный смысл истории ясен и очевиден.

Заключение

Казахские сказки в жанровом отношении представляют собой неоднородное собрание чудесных повествований, притч и поучительных житейских

историй. Ключевые наидания в этих текстах сводятся к тому, что зло неизбежно бывает наказано, мириться с ним нельзя, нужно быть смелым, но при этом проявлять осторожность, нужно защищать своих, мудрость является высшим достоинством человека, но иногда и мудрец допускает ошибки. Национальный колорит в казахских сказках воплощен в особом статусе коня в жизни кочевников, в описании одежды, еды и обычаев героев. Значимые ценности в сказках осмысливаются как символы.

Список источников

1. Адоньева, С. Б. (2000). *Сказочный текст и традиционная культура*. Издательство СПбГУ.
2. Акименко, Н. А. (2013). *Лингвокультурные характеристики англосаксонского сказочного дискурса*. Издательство Калмыцкого университета.
3. Алещенко, Е. И. (2008). *Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки)*. Монография. Перемена.
4. Бурькин, А. А. (2017). *Хантыйские сказки и фольклор урало-алтайских народов*. Формат.
5. Веселовский, А. Н. (1940). *Историческая поэтика*. Гослитиздат.
6. Викулова, Л. Г. (2008). Французская литературная сказка предпросветительского периода: фактор адресата. *Языковой дискурс в социальной практике* (с. 36–41). Материалы межвузовской научно-практической конференции. ТвГУ.
7. Воркачев, С. Г. (2017). К истокам этнической ментальности: Иван-дурак как лингвокультурный герой. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 1*, 117–123.
8. Гронская, О. Н. (1998). *Немецкая народная сказка: язык и картина мира*. Монография. Санкт-Петербургская академия МВД России.
9. Губман, Б. Л. (1998). Ценности. *Культурология. XX век* (с. 342–343). Энциклопедия. Т. 2. Университетская книга.
10. Дементьев, В. В. (2016). *Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи*. Монография. Издательство Саратовского университета.
11. Жирмунский, В. М. (1979). К вопросу о международных сказочных сюжетах. *Сравнительное литературоведение. Восток и запад* (с. 336–343). Наука.
12. Зуева, Т. В. (2001). Сказка. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (с. 989–994). А. Н. Николюкин (Гл. ред. и сост.). Интелвак.
13. Карасик, В. И. (2019). *Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы*. Гнозис.
14. Королькова, Я. В. (2010). О соотношении литературной сказки и фэнтези. *Вестник Томского государственного педагогического университета, вып. 8(98)*, 142–144.
15. Кравцов, Н. И. (1973). Сказка как фольклорный жанр. *Специфика фольклорных жанров* (с. 68–84). Наука.
16. Краюшкина, Т. В. (2011). *Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок*. Дальнаука.
17. Медриш, Д. Н. (2021). О поэтике волшебной сказки. В А. Х. Гольденберг, О. О. Путило, Н. Е. Тропкина. *Профессор сказочных наук. Научная биография Д. Н. Медриша* (с. 194–222). Монография. Флинта.

18. Мелетинский, Е. М. (1976). Миф, сказка, эпос. *Поэтика мифа* (с. 262–276). Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
19. Микешина, Л. А. (2009). Современное развитие понятия «ценность». *Ценности и смыслы, 1*, 6–17.
20. Надбитова, И. С. (2011). *Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок*. Джангар.
21. Назаренко, Е. В., Приходько, Н. А. (2013). Современная авторская сказка как пример постмодернистского дискурса. *Universum: Филология и искусствоведение, 2(2)*. <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/405>
22. Пименова, М. В. (2018). *Этногерменевтика русской сказки*. Монография. Инфра-М.
23. Плахова, О. А. (2013). *Лингвосомиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация*. Монография. Издательство ТГУ.
24. Пропп, В. Я. (1969). *Морфология сказки*. 2-е издание. Наука.
25. Садалова, Т. М. (2008). *Алтайская народная сказка: формы этнобытования, типология сюжетов, поэтика и текстология*. Горно-Алтайский государственный университет.
26. Северская, О. И. (2014). Система ценностей в зеркале русской прессы 2000-х. *Журналистский ежегодник, 3*, 24–27.
27. Сидельников, В. М. (1958). Народный сказочный эпос казахов. *Казахские сказки* (с. V–XXIX). В. М. Сидельникова (Сост. и ред.). Т. 1. Казахское государственное издательство художественной литературы.
28. Силантьев, И. В. (2009). *Сюжетологические исследования*. Языки славянской культуры.
29. Франц, М.-Л. фон. (1998). *Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл искупления в волшебной сказке*. URSS.
30. Халилова, Г. М. (2019). «Сиротство» как один из начальных мотивов сказок и его мифологическая семантика. *Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия филологическая, 174(2)*, 88–94.
31. Юдин, Ю. И. (1998). *Русская народная бытовая сказка*. Академия.
32. Aarne, A. (1910). *Verzeichnis der Märchentypen mit Hülfe der Fachgenossen ausgearbeitet*. Suomalaisen tiedeakademian toimituksia. http://misc.bibl.u-szeged.hu/24970/1/014_006_001-066.pdf
33. Thompson, S. (1955–1958). *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends*. Revised and enlarged edition. Indiana University Press. https://ia600301.us.archive.org/18/items/Thompson2016MotifIndex/Thompson_2016_Motif-Index.pdf

References

1. Adonyeva, S. B. (2000). *Fairy tale text and traditional culture*. Izdatel'stvo SPbSU. (In Russ.).
2. Akimenko, N. A. (2013). *Linguocultural characteristics of Anglo-Saxon fairy tale discourse*. Izdatel'stvo Kalmy'czkogo universiteta. (In Russ.).
3. Aleshchenko, E. I. (2008). *Ethno-linguistic picture of the world in the texts of Russian folklore (on the material of folk tale)*. Monograph. Peremena. (In Russ.).

4. Burykin, A. A. (2017). *Khanty tales and folklore of the Ural-Altai peoples*. Format. 416 p. (In Russ.).
5. Veselovsky, A. N. (1940). *Historical poetics*. Goslitizdat. (In Russ.).
6. Vikulova, L. G. (2008). French literary fairy tale of the pre-Enlightenment period: the addressee factor. *Language discourse in social practice* (p. 36–41). Proceedings of the interuniversity scientific conference. TvSU. (In Russ.).
7. Vorkachev, S. G. (2017). Towards the origins of ethnic mentality: Ivan the Fool as a linguocultural hero. *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 1, 117–123. (In Russ.).
8. Gronskaya, O. N. (1998). *German folk tale: language and world picture*. Monograph. Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii. (In Russ.).
9. Gubman, B. L. (1998). Values. *Kulturologia. The twentieth century* (p. 342–343). Encyclopaedia. Vol. 2. Universitetskaya kniga. (In Russ.).
10. Dementiev, V. V. (2016). *Speech-genre communicative values in new and newest spheres of Russian speech*. Monograph. Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russ.).
11. Zhirmunsky, V. M. (1979). To the question of international fairy-tale plots. *Comparative Literature. East and West* (p. 336–343). Nauka. (In Russ.).
12. Zueva, T. V. (2001). Fairy Tale. *Literary Encyclopaedia of Terms and Concepts* (p. 989–994). Editor-in-chief and co-editor. A. N. Nikolukin. NPC 'Intelvak'. (In Russ.).
13. Karasik, V. I. (2019). *Linguistic spiral: values, signs, motives*. Gnosis. (In Russ.).
14. Korolkova, Y. V. (2010). On the correlation of literary fairy tale and fantasy. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, iss. 8(98)*, 142–144. (In Russ.).
15. Kravtsov, N. I. (1973). The fairy tale as a folklore genre. *Specificity of folklore genres* (p. 68–84). Nauka. (In Russ.).
16. Krayushkina, T. V. (2011). *Physiology and psychology of the characters of Russian folk magic fairy tales*. Dalnauka. (In Russ.).
17. Medrish, D. N. (2021). On the poetics of the magic fairy tale. In A. H. Goldenberg, O. O. Putilo, N. E. Tropkina. *Professor of fairy tale sciences. Scientific biography of D.N. Medrish* (p. 194–222). Monograph. Flinta. (In Russ.).
18. Meletinsky, E. M. (1976). Myth, Fairy Tale, Epic. *Poetics of Myth* (p. 262–276). Glavnaya redakciya vostochnoj literatury` izdatel'stva «Nauka». (In Russ.).
19. Mikeskina, L. A. (2009). Modern development of the concept 'value'. *Values and meanings, 1*, 6–17. (In Russ.).
20. Nadbitova, I. S. (2011). *Plots, images and style traditions of Kalmyk magic fairy tales*. Dzhangar. (In Russ.).
21. Nazarenko, E. V., Prikhodko, N. A. (2013). Modern author's fairy tale as an example of postmodern discourse. *Universum: Philology and Art History*, 2(2). <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/405> (In Russ.).
22. Pimenova, M. V. (2018). *Ethnohermeneutics of Russian fairy tale*. Monograph. Infra-M. (In Russ.).
23. Plakhova, O. A. (2013). *Linguosemiotics of the English fairy tale: genre space, sign representation, discursive actualisation*. Monograph. Izdatel'stvo TSU. (In Russ.).
24. Propp, V. Ya. (1969). *Morphology of the fairy tale*. 2nd ed. Nauka. (In Russ.).
25. Sadalova, T. M. (2008). *Altai folk tale: forms of ethnobytovanie, typology of plots, poetics and textology*. Gorno-Altai State University. (In Russ.).
26. Severskaya, O. I. (2014). The system of values in the mirror of the Russian press of the 2000s. *Journalist Yearbook*, 3, 24–27. (In Russ.).

27. Sidelnikov, V. M. (1958). Folk fairy-tale epic of Kazakhs. *Kazakh Fairy Tales* (p. V–XXIX). V. M. Sidelnikov (Comp. and ed. By). Vol. 1. Kazaxskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury'. (In Russ.).
28. Silantiev, I. V. (2009). *Syuzhetological studies. Yazy'ki slavyanskoj kul'tury'*. (In Russ.).
29. Franz, M.-L. von. (1998). *The psychology of the fairy tale. The interpretation of magical fairy tales. The psychological meaning of redemption in the magic tale.* URSS. (In Russ.).
30. Khalilova, G. M. (2019). 'Orphanhood' as one of the initial motifs of fairy tales and its mythological semantics. *Bulletin of the Kazakh National University named after al-Farabi. Series philological*, 174(2), 88–94. (In Russ.).
31. Yudin, Y. I. (1998). *Russian folk domestic fairy tale.* Academy. (In Russ.).
32. Aarne, A. (1910). *Verzeichnis der Märchentypen mit Hilfe der Fachgenossen ausgearbeitet.* Suomalaisen tiedeakademian toimituksia. http://misc.bibl.u-szeged.hu/24970/1/014_006_001-066.pdf
33. Thompson, S. (1955–1958). *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends.* Revised and enlarged edition. Indiana University Press. https://ia600301.us.archive.org/18/items/Thompson2016MotifIndex/Thompson_2016_Motif-Index.pdf

Информация об авторе / Information about the author

Владимир Ильич Карасик — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Vladimir I. Karasik — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.